

"Охота на вальдшнепов" (1886), "Ремонтер" (1885), "Прогулка в деревне" (1885), "Портрет Лели Рукавишниковой" (1887), "Мировой посредник" (1888), "После обеда" (1888), "Прерванный завтрак" (1890), "Самовольные охотники" (1893), "Пойнтер" (1903), "Побеждай. Этуд борзой собаки из псарни имп. Охоты" (1909), "Этуд собаки" (1916). Будучи занятым охотником, он хорошо разбирался в собаках. На многих любительских фотографиях, связанных с Н. Д., присутствуют четвероногие любимцы. Тут можно вспомнить портрет Н. Д. работы И. Бразы, выставившийся на выставке ТЮРХ, где собаке тоже отведено место. На фотографии собака на руках у М. Н. — скорее дань моде, чем любовь к ним, передавшаяся по наследству.

Запах Одессы

Особенный город

"Существует рассеянное по всему миру сообщество людей (...), объединенных восхищением городом, который носит имя Одесса. Реальный ли это город или только миф, питающий воображение?" Таким вопросом задается Сандрина Треине, составитель сборника "Запах Одессы"*.

Зараженная нашей домашней бациллой любви к родному нам городу, автор привлекает в качестве свидетелей великого прошлого Одессы писателей, по произведениям которых далекий город на Черном море стал ей близок. Будучи иностранкой ("неодесситкой"), Сандрина Треине позволяет французскому читателю увидеть "Александрию на Черном море", легендарную Одессу, которая в отличие от города на Ниле является городом европейским.

В сборнике представлены отрывки из произведений писателей, которых объединяет тема Одессы, и путевые заметки гостей города, посетивших его в период уникального расцвета или временного застоя.

Реализованной мечтой об идеальном городе века Просвещения называется Одессу Мари-Поль Виаль в первом из отобранных литературных текстов сборника**. Чудесная история возникновения Одессы, ее свет, аромат, архитектура и силуэты... составляют магию города, который всегда притягивал (позволю себе добавить: и выращивал) талантливых людей. В этом и состоит исключительность Одессы. Если есть города, которые обладают магией мест, способствующих творчеству, то Одесса должна быть в их числе. Виаль приглашает французского читателя разделить с ней восхищение городом, "перенесенным с плана Екатерины на границу между морем и степью". Юная Одесса стала "городом особенным".

Мари-Поль Виаль подчеркивает, что первое литературное описание Одессы сделано ее земляком, марсельским коммерсантом Шарлем Сикаром в изданных в 1812 году в Санкт-Петербурге "Письмах об Одессе". Да-

* Sandrine Treiner, "Le Goût d'Odessa", изд. Mercure de France, 2005.

Сборник литературных произведений, вступление и комментарии составителя. Сандрина Треине — журналистка, историк, художественный редактор канала France3. Ранее в серии уже появились "Le Goût de Paris" и "Le Goût de Saint-Petersbourg".

** Marie-Paule Vial, "Histoire d'une ville singulière" (каталог выставки "La mémoire d'Odessa", изд. Hatier, 1989). Мари-Поль Виаль — хранитель Марсельского музея изящных искусств.

же при наличии тесных связей Одессы с крупными торговыми портами Средиземноморья, в отношениях с Марселем всегда существовала "почтительная близость" (если не сказать "родство").

Одна из глав сборника названа "Француз в Одессе" и посвящена почти вековой службе России Луи Дронна и его потомков (Morice Dronn "L'aventure de Louis Dronn et de ses descendants"). Слава Одессы как "края изобилия" уже пересекла Европу. Первым из семьи Дронн в 1839 году Луи решил устроиться в городе, о котором рассказывали чудеса вернувшиеся оттуда моряки и коммерсанты, называя Одессу "Восточным Марселем". В этом "особенном городе" иностранцев привлекали не только отсутствие пошлин при складировании товаров (до полутора лет!), но и космополитическая атмосфера и, что характерно, красота города.

Магазин Луи Дронна, портного и продавца готовой одежды, находился в № 9 по Дерибасовской, "самой красивой артерии города". Это было совсем рядом с Ришельевским лицеем (под № 16), в котором обучение велось на французском языке. Подчеркивается, что лицеистами были дети деловых людей всех национальностей (включая и русских), а также обедневшие потомки солдат и офицеров армии Кондэ (первая контрреволюционная армия, сформированная в 1792 году принцем де Кондэ из французских эмигрантов. — **М. О.**).

Уже в середине XIX века Одесса обладала большим притяжением для русских дам, которые находили в освобожденных от таможенных сборов портовых магазинах "универсальное средство для удовлетворения своих фантазий в туалетах, разорительных в Санкт-Петербурге, — писал путешествовавший по "степям России" Эль Адель (Hell Adele). — Одесса — это их Париж".

Элегантность одесситок отмечает и Алексей Толстой. Сандрина Треине выбрала цитату, наверное, наиболее понятную ее землякам: "Это не женщины, — говорит герой "Ибикуса", — это романс!". А сценой, декорацией такому "романсу" служит Одесса периода гражданской войны. "Как прекрасна Дерибасовская в четыре часа пополудни, когда мартовский влажный воздух дует с моря!" Алексей Толстой населяет центральную улицу города царскими генералами, на золотых эполетах которых отсвечивает солнце худыми англицированными петербургскими дамами и одесситками, этими "русскими парижанками".

Жаль, что описание местных красавиц, увиденных в современной Одессе Сандриной Треине, не соответствует известному и во Франции очарованию одесситок — "лица их замкнуты и тело не выражает никакой чувствен-

ности" ... Какой контраст с тем, что мы с вами чувствуем и знаем! А молодые люди в черных костюмах, "с повадками гангстеров" у входов в магазины люкс и казино и большие автомобили даже на пешеходных улицах рискуют остаться одним из определяющих образов, увезенных автором из Одессы.

Несколько статей сборника взяты из путеводителя "Odessa"*, которому поручено представить во Франции чудесную историю создания и расцвета города, происхождение его имени, так отличающегося от других городов Империи, многочисленные поэтические легенды и археологические факты, неоспоримые и незаслуженно столько лет не востребуемые лечебные качества одесских лиманов. Все точно, хорошо нам известно — "Особенный город".

Даже высказывания Льва Троцкого, называвшего Одессу в повести "Моя жизнь" культурным центром Юга России, а одесскую тюрьму "идеалом" (еще бы, по сравнению с тюрьмами Николаева и Херсона!), используются составителем для создания образа Одессы как города "особенного".

Этот особенный город правильно отождествляется со множеством столиц — и столица Юга, и столица вольнолюбия... а ежегодные Юморины подтверждают право Одессы предстать перед французским читателем и столицей юмора. Да что еще ожидать от города, в котором шутки не сочиняют, как говорит классик, — их записывают.

Свидетели Золотого века Одессы

Есть, пожалуй, немного городов, которые были бы так же, как Одесса, единогласно любимы посетившими ее большими писателями, нашедшими в городе дух гостеприимства и атмосферу для творчества.

Имя Пушкина открывает ряд имен, которым доверено представить литературную легенду Одессы. Улица, бюст, гордо отвернувшийся от мэрии, новый памятник у "своего" музея — дух Александра Сергеевича в Одессе, как у себя дома... Если послушать восторженных сотрудников Пушкинского музея об одесском периоде Поэта, то Он здешний, полностью и навсегда. Пушкин и для французов одно из главных доказательств романтического образа Одессы, родоначальник создателей литературного мифа города. Скорее это магия имени, ибо французский перевод "одесской" главы "Евгения Онегина", приведенный в сборнике, такой поэтической магии лишен**. Перевод фабулы, содержания, но не поэзия.

* Guide "Odessa", фр. язык. Составитель Г. Кононова. Изд. "Радуга", 1984.

** Перевод с русского Jean-Luis Backès. Изд. "Gallimard", 1996.

Французский читатель должен просто поверить, что "...Но поздно. Тихо спит Одесса / И бездыханна и тепла / Немая ночь. Луна взошла, / Прозрачно-легкая завеса / Объемлет небо. Все молчит. / Лишь море Черное шумит...".

Образ в "Гамбринусе" Куприна или бессмертная декорация восстания в фильме Эйзенштейна — Одесса принимала все новые художественные тенденции. Свободный город, убежище писателей, художников и поэтов.

Марк Твен удостоил Одессу середины XIX века восхищенным лестным описанием. "Городской утопией" называет он Одессу в "Пикнике в Старом Свете". Утопией, близкой великим мечтателям века Просвещения. "Одесса напоминает американские города, — пишет Марк Твен, — красивые, широкие прямые улицы, низкие новые двухэтажные дома, магазины, полные покупателей и заморских товаров. Люди ходят быстро. Ничто не напоминает, что мы в России..." Сравнение Одессы с американскими городами позволяет подумать о том, что для американца наш город был американским, для итальянцев — итальянским, еврейским для евреев...

Как зеркало, Одесса отражает каждого внимательного посетителя!

Символом экономического процветания появляется Одесса в финальной сцене романа "Отец Горио". Бальзак вложил в уста умирающего Горио слова о его желании уехать в Одессу, чтобы "сделать" состояние для столь обожаемых им дочерей.

Любовный роман самого Оноре де Бальзака начинается загадочным письмом, подписанным "Незнакомка" и отправленным 28 февраля 1832 из... Одессы, которая к тому времени уже вошла в элитарный (как сказали бы теперь), избранный клуб романтических городов.

"Айзенштайн!"

Если кто-нибудь ничего не знает об Одессе, он знает все же одно: Лестницу.

В далеком уже 1990 году, когда в Одессе проходила выставка известного французского художника Жерара Тона, мы направились с ним по обязательному маршруту знакомства с городом. И вот у Дюка, увидев Лестницу, Жерар вдруг восторженно стал в боевую позу с воображаемой винтовкой наперевес и с криком "Айзенштайн!" стал в ритме солдат царской армии спускаться по гранитным ступеням... О фильме Эйзенштейна, главной визитной карточке Одессы в западном мире, говорится во многих текстах сборника, а одна из глав дает слово самому режиссеру. "В искусст-

ве все средства пригодны, кроме тех, которые не ведут к цели". Цель у "беспартийного большевика" (похвала Сталина) была революционная, а получилось: один лишь фильм — и Потемкинская лестница входит в мировую легенду, для которой неважно, что события 1905 года проходили не на Лестнице (как прекрасно и тревожно написано об этом Жаботинским в романе "Пятеро"!).

А вот "ужасного вида гостиница", построенная на причале порта, стала оскорблением перспективе Эйзенштейна, настоящим вызовом рафинированной архитектуре исторического центра города. "Но одесситы улыбаются, — пишет Треине, — однажды эту гостиницу мы разрушим".

"Выцветшие образы исчезнувшего мира"

По распространенному во Франции мнению, которое отражает в своих комментариях составитель, Одесса сегодня — это, прежде всего, миф, появляющийся из альбома старых черно-белых фотографий. Остановившиеся башенные часы, хранящие прошедшее время.

В резюме книжки, вынесенном на последнюю страницу обложки, утверждается, что "трудно думать об Одессе в настоящем времени". Хотя Город и сумел сохранить "некоторую мягкость жизни", он все же записан в прошлое, во времена, ушедшие безвозвратно.

Несмотря на приведенные высказывания, спрятать Одессу на полку книг со старыми мифами нельзя. Сегодняшняя Одесса, бесконечно привлекательная не только для нас, ее детей, вполне способна соблазнить и очаровать своих гостей и не омрачить эмоций, рождаемых звучанием музыкального имени города: О-ДЕ-ССА.

Когда впервые после 15-летнего отсутствия мне посчастливилось посетить Одессу, я поразился богатством культурной жизни Города. За две недели мы смогли побывать на Джазовом карнавале, на Конкурсе скрипачей имени Ойстраха, на открытии выставки Адольфа Лозы в музее на Пушкинской, на презентации книги документов "Одесса в годы оккупации" в Литературном музее, не говоря уже о филармонических концертах, спектаклях, художественных галереях, вновь ожившей городской скульптуре... В синагоге на Осипова царил Кол Нидре. А рядом со мной были не только, как я, евреи Судного Дня, но, в основном, просто Евреи. Те же обычаи, молитвенники, та же с благоговением выносимая Тора, как и в синагогах всего мира. Молили о записи в Книгу Жизни на иврите или порусски. Б-г понимает все языки.

Сейчас Город еще несколько растрепан, но это не лишило его всегда присутствовавшего средиземноморского шарма, не отразилось на его "чувствительной и поэтической душе" (выражение Александра де Рибаса).

Нужно сказать, что отбор комментируемых в сборнике текстов не всегда понятен. В книге, озаглавленной "Запах Одессы", естественно увидеть Бабеля, Катаева, Ильфа и Петрова, Бунина.

Но вот не нашлось места для Жаботинского, Олеси, Власа Дорошевича, Якова Полонского, Багрицкого, Веры Инбер, Жванецкого... которые могли бы осветить для французского читателя многогранный образ Одессы под несколько другим углом... Но будем судить по тому, что в сборнике есть, а не по тому, чего там не оказалось...

Приведенные заметки молодого норвежского моряка о своем недавнем посещении Одессы мне показались заранее настроенными на то, что все "хорошее" в Одессе исчезло*. Город, казавшийся в прошлом "смесью Центральной Европы и Италии", предстает сегодня "суровым, жестким", голоса на улице только "агрессивные и гортанные"... "Банда" нищих детей, набрасывается на молодоженов при выходе из Дворца бракосочетания... Но тем больше наше преклонение перед жителями города, которые выжили в эти невыносимо трудные 90-е годы, после чего стараниями предпринимателей, экономистов, журналистов — всех одесситов — начался Одесский ренессанс. И пусть экономика Одессы все еще носит черты капитализма "дикого", но на оживленных улицах слышны не "агрессивные", а звонкие и радостные голоса, и ее обитатели по-прежнему говорят о родном городе с блестящими глазами.

Были и трагические периоды в истории Одессы. Гражданская война, 37-й год, оккупация.

Интересны воспоминания Александра Верта, который в 44 году вместе с частями Красной Армии вошел в освобожденную Одессу. "Это была Одесса, которую я не мог узнать. Темные улицы, воронки от бомб, руины разрушенных бомбардировками зданий. Город, в котором отсутствовали евреи". В освобожденной Одессе по сравнению с другими городами было много молодых людей, не угнанных в Германию. Надо сказать правду: некоторая часть населения города чувствовала себя при режиме Антонеску неплохо. При румынской оккупации в городе функционировали рестораны, бордели, кабаре. Оперный театр... В отличие от немецкой оккупации

* Ejvind Sandelin, "Noire marine"

Замечу, что "необязательных" или недоброжелательных заметок в сборнике несколько, например, Edgardo Cozarinsky (Аргентина, перевод с испанского), Olivier Rolin...

других городов, в Одессе не были закрыты ни школы, ни университет. Автор сборника, комментируя воспоминания Верта, добавляет их доминирующим на Западе мнением, что роль одесского Сопротивления во время оккупации значительно преувеличена советской пропагандой.

Где скончался герцог де Ришелье?

Если некоторые высказывания в сборнике отражают господствующее на Западе мнение о невосполнимом упадке города, то ошибку, граничащую с вызовом, объяснить трудно. Судите сами, как составитель представляет кончину того, кто так много сделал для становления юной Одессы, кто относился к ней с отеческой любовью и кто с мудростью служил ее интересам. Герцог де Ришелье, "старый и бедный, без сносного пальто, спустился по построенной им лестнице, чтобы умереть несколько лет спустя в бедности в Севастополе" (стр. 23). Я оставляю читателю удовольствие отметить все ошибки такого утверждения. Могу лишь заметить, что деятельность премьер-министра правительства Людовика XVIII в период Реставрации входит во французскую школьную программу.

Желая подкрепить утверждение о главенствующей в Одессе атмосфере вольнолюбия и свободы, Трейне иногда переигрывает в используемых аргументах: "Даже Сталин не рисковал конфликтовать со свободолобивым городом". И это написано после исчезновения Исаака Бабеля, после убийства тысяч граждан города, который платил страшную цену жизнями крестьян, творческой интеллигенции, военных наравне со всеми городами сталинской империи. Наверное, сказано это ради красного словца...

Да, со дня своего основания Одесса предоставляла убежище и работу беглым крепостным, притесняемым национальным меньшинствам. Да, противники тиранических режимов Греции, Болгарии, Италии, равно как и "титированные головы, изгнанные из своих стран революциями", находили в городе обетованную землю. Но говорить об Одессе как о социальном и национальном рае, наверное, не стоит, несмотря на наличие улиц Арнаутских, Польской или Еврейской... Расовые столкновения в Одессе периода ее становления не дают возможности подделывать историю ради "красивых" легенд. Иначе Одесса превратится в "потерянный рай", в котором будто бы и не было погромов, изнуряющего труда "грузчиков в порту", "окаянных дней"...

Одна из историй рассказывает о бродячих собаках на улицах Одессы, брошенных эмигрантами, покинувшими город, чтобы убежать от погро-

мов, голода, войн или притеснений. Я посчитал ее притчей (помните "Верного Руслана"?). Уж очень образ собак-сирот, воющих от тоски и зовущих вернуться своих хозяев, не вязался с тоном повествования. Но закрывая книгу, я прочел в послесловии — разделе благодарностей, что история собак, рассказанная Антуаном Перро (Antoine Perraud), подтолкнула автора на путь создания самого сборника (стр. 137). Не странное ли признание человека, влюбленного в наш город?

Какие они, твои одесситы?

Думаю, что в последние годы знакомство с Одессой в западных странах происходит не по самым лучшим образцам (а может быть, в этом мы сами виновны, оставив другим рассказывать миру о нашем Городе). Один из фильмов, с прекрасным названием "Маленькая Одесса", широко известен во Франции. Это первая лента молодого кинорежиссера Джемса Грея*. Черный, очень черный триллер, хорошие актеры, трагедия иммигрантов... Но разве можно в этой драме увидеть Одессу? Даже если в фильме реалии Брайтон-бич, а имя "Одесса" иногда упоминается во фразах на идиш бабушки героя. Наши французские знакомые после выхода фильма спрашивали: "Это и есть твои одесситы?". Замените русско-еврейские имена на итальянские — и вот вам готовый фильм "Little Italy".

В начале прошлой осени на французских вторых экранах показывали фильм Мишаль Боганим "Одесса... Одесса!". Фильм документальный. Как признается автор, не бывавшая ранее в Одессе, идея фильма родилась под влиянием "Одесских рассказов". И вот, в поисках бабелевской Одессы она снимает фильм в Одессе, в Брайтоне и в Ашдод. Мне показалось, что, не найдя бабелевскую Одессу, автор на примере судеб нескольких иммигрантов пытается утвердить, что мифическая Одесса исчезла, что город постепенно впадает в забвение и упадок... Боганим снимала фильм о "мире, которого нет", о последнем поколении одесситов (позволю себе поправить — скорее всего, поколения одесситов рассеяния), дети которых уже будут американцами или израильтянами.

Три разных города сняты в различной цветовой гамме.

Сине-голубой — для Одессы, где люди зачастую нереальны и живут только воспоминаниями, будто герои "Одесских рассказов" убоялись реальности, далекой от их чаяний.

Ржавый цвет — для "Брайтонской "Одессы", где повторяющиеся зву-

* James Gray, "Little Odessa", "Серебрянный Лев" в Венеции.

ки электрички перекликаются с темами не кончающихся отъездов и приездов.

И белый цвет характеризует Ашдод, город, выросший на окраине пустыни, в котором царствуют уныние и разочарование. Я же, бывая в Ашдод, каждый раз видел новые районы белокаменных строений на берегу моря. А в ресторане "Золотой Дюк", на улице, разделяющей пляж и город, говорят о новых рождениях и свадьбах. Ашдод похож на Одессу: море, акации и много евреев...

Делясь со мной впечатлениями о фильме, Федерика Визани* говорила, что после просмотра начинает казаться, что еврейская диаспора исчерпывает тему Одессы. Кино это не документальное, так как носит яркую печать режиссерской субъективности. Автор воспринимает Одессу как столицу некоего еврейского государства, которое исчезло. Боганим была заранее настроена снять фильм об умирающей Одессе. Может быть, поэтому фильм лишен одесского очарования. Если отнять у него название и пару одесских песен, то получится космополитический рассказ о вечных иммигрантах, которые скучают по родному городу.

"Фильм, безусловно, красиво и поэтично снят, — пишет Федерика, — но одесского духа как такового в нем не чувствуется. А впрочем — одесситам судить", — добавляет она.

Для комментариев же сборника "Запах Одессы" характерно утверждение, что Одесса своей романтической международно признанной аурой в XX веке обязана своей диаспоре, которая предстает и символом исчезающего одесского мира... Но ведь не диаспора же создала миф Одессы — она его лишь разнесла по всему миру.

И пусть остается красивой метафорой утверждение, что одессит это уже национальность, что быть одесситом — это не то же самое, что быть жителем Одессы... Пусть. Но очарование и магия Одессы, ее шарм — заслуга "одесских одесситов".

Последний рассказ Бабеля

В сборнике "Запах Одессы" Исаак Бабель предстает как неоспоримый авторитет и один из создателей одесской легенды. В свидетели берутся не только классические "Одесские рассказы", но и почти не известные во Франции "Хроники 18 года". "Хроники" представляются предчувствием,

* Federica Visani, итальянка, организатор вечера "Одесса... Одесса!" в парижском магазине русскоязычной книги "Glob" в сентябре 2005 года.

преждевременным завещанием, письмом любви родному городу, еврейскому быту и традициям, литературе в целом. Придет ли он, литературный Мессия, которого предсказывал Бабель? "Для этого нужно было, — отвечает Сандрина Треине, — чтобы Октябрьская революция не была бы выплеснута на черные пляжи сталинизма". Тогда бы блестящая плеяда одесских писателей и поэтов 20-х годов, которая художественный порыв не отделяла от порыва социального, не стала бы поколением потерянным...

Бабелю в сборнике доверено трижды рассказывать "за Одессу". Он объясняет, как Одесса стала легкими для задыхавшихся в черте оседлости (начиная с 1833 года) или бежавших из столиц от притеснений после принятия чрезвычайного закона 1881 года. Подчеркивается ошеломляющий для французов факт — в Одессе до войны проживало 350 тысяч евреев (для справки — во всей Франции живет сейчас около 500 тысяч евреев).

Бабель представляет персонажи Молдаванки, которая упоминается во многих статьях и комментариях и которая превратилась в одно из знаковых определений Одессы. Еврейский квартал, не бывший ни гетто, ни автономным "штетл", Молдаванка, стала национальной территорией "Одесских рассказов" Бабеля. Это он перенес на бумагу образы привлекательных налетчиков и любвеобильных проституток. Современная же украинская мафия, занятая переделом недвижимости, нефтью и наркотиками, в отличие от налетчиков Бабеля, названа абсолютно "несимпатичной" (ну чем не одесское выражение?).

Трогательная новелла Давида Маркиша "Последний рассказ Исаака Бабеля" и комментарии к ней, по-моему, являются украшением этой книжки об Одессе. Жизнь Бабеля, фетиша Одессы, представлена как посмертная глава "Одесских рассказов". С самого детства на берегу Черного моря и до расстрела жизнь Бабеля свидетельствует коммунистические иллюзии еврейских писателей и интеллектуалов. Коммунизм был для многих русских евреев своего рода мессианством без Б-га. Это положение привлекает внимание Давида Маркиша, сына Переца Маркиша, одного из самых больших поэтов, писавших на идиш. Войдя в советскую литературу с энтузиазмом, рожденным Октябрем, признанный писателем, повлиявшим на всю еврейскую литературу. Перец Маркиш был расстрелян 12 августа 1952 года. Общая судьба еврейских русских писателей одесситов Бабеля, Нотэ Лурье, Ханаана Вайнермана... Названный вымышленным именем, Перец Маркиш стал центральной фигурой романа лауреата Нобелевской премии Эли Везеля "Завещание расстрелянного еврейского поэта"*.

* Elie Wiesel "Testament dun poète juif assassiné". Издательство Seuil, 1980.

Не могу удержаться, чтобы в связи с этим не привести высказывание из книги Везеля "Молчание и людская память", что лежит сейчас у меня столе. "Я начал писать на идиш, будучи уже французским писателем, из сентиментальности и из верности". Сентиментальность и Верность. Не ответ ли это на вопрос, который многим из нас приходилось решать: "Как быть русским и остаться евреем?".

Франция ставит себе в заслугу то, что изданием антологии поэзии на идиш (издательство Gallimard, 1971) она спасла многих еврейских поэтов от забвения. К их числу относится и Мотл Грубиян, прошедший всю Отечественную войну и арестованный в печально известном 1948 году вместе со многими деятелями еврейской культуры. Он не был расстрелян в ночь коллективного убийства остальных членов Еврейского антифашистского комитета. Он получил "всего" семь лет лагерей... В 57 году в Одессе Мотл Грубиян пишет приведенные в сборнике стихи — признание в любви к Черному морю, к морю, "которое нельзя отправить в Сибирь".

Самое синее в мире

Вслушайтесь в то, каким представляется наше море читателю: "эта водная гладь, которая иногда кажется черной, как если бы ночь создавала там свою колыбель. Черное море как контрапункт светоносному городу".

Пушкин обращается к Морю как к "свободной стихии", Мотл Грубиян славит "непокорное Море". Молодой пианистке, выпускнице Одесской консерватории, эмигрировавшей в Париж, море преподавало первые уроки гармонии и эстетики*. Валентин Катаев озаглавил свою поэтическую повесть "Волны Черного моря". И раскрашенные магией Одессы мечты Пети о синем море и желтых скалах использует Сандрина Треине для финала своей книги.

Не забыто и значение для одесситов традиции морских купаний, ритуала походов "на море", от которых они "не откажутся ни за что на свете". Если купание в Средиземном море есть искусство, которое европейские аристократы превратили в утонченный ритуал, то в Одессе народный гений изобрел свой вариант: одесситы выбирают пляжи самые близкие, и какое имеет значение, плавают ли в воде пластиковые созвездия и окурки! Аркадия предстает как вариант Диснейленда, изменившего облик и даже предназначение популярного пляжа... Но осталось тем же, что и раньше, благоговение, с которым нам в прошлом сентябре довелось

* Maryna Both-Uzun. "L'heure du bain".

вновь войти в воду Отрады, посидеть на "массиве" Ланжерона, свесив ноги в ласковую глубокую воду, заплыть далеко в Каролино-Бугазе...

Море и кухня — два полюса, две страсти... Красота и разнообразие одесской кухни представляется достойным послем Одессы в "ближнем и дальнем" зарубежье — "синенькими". Поэтическое описание их приготовления сделано великим Валентином Катаевым в отрывке из "Одесских катакомб". Я не рискую вмешиваться в сей рецепт, ведь наши мамы священнодействовали по переданным из поколения в поколение своим секретам. Как комментирует Треине, влияние итальянское, греческое, еврейское, турецкое... создало в Одессе космополитичное, по существу новое кулинарное искусство. Искусство, отличное от остальной Украины еще и тем, добавлю я, что "красное с фруктовым привкусом вино" забрало за столом одесситов пальму первенства у водки.

"Покупайте живую сардину по цене мертвой"...

Статью о Привозе не надо ли было поместить в начало сборника, среди истоков одесского мифа, языка, одесского юмора? Призыв торговли, вынесенный в заголовок параграфа, я слышал на рыбном базаре Марселя, но он вполне мог звучать и на Привозе.

В комментариях автора Привоз предстает как легендарный институт Одессы, где плодородие украинских земель и дары Черного моря удовлетворяют торговые аппетиты населения. Сказочная атмосфера, раскрашенная всеми красками щедрого одесского лета. Горячие "пирожки" (в тексте по-русски), малосольные огурцы — знаки "нефранцузской", а следовательно, дикарской кухни... Надо учесть, что во Франции многочисленные базарчики организуют муниципалитеты на маленьких площадях или вдоль аллей, или, как в Лионе, вдоль набережной. Торгуют по воскресеньям (или по субботам) и строго до обеда. Вот только шумел базар, кричали арабы — продавцы овощей и обменивались семейными новостями крестьяне с постоянными покупателями, как вдруг в полдень все сворачивается, непроданное укладывается в грузовички, поливальные машины уже наготове, и после уборщиков мусора и вымытого асфальта воссоздается площадь с чистыми рядами платанов, на скамейках вновь устраиваются влюбленные и пенсионеры, и уже составлены дублеты для партии "петанка"... Вавилонская же башня Привоза, распахнувшая кованые ворота на весь день, для француза символизирует экзотику всей Украины. В одной из статей Аркадий Львов описывает посещение базара (правда,

это Новый базар, но для французов он все равно Привоз), именно посещение, а не покупки, потому что это настоящий праздник, настоящая радость, карнавал, живописная толпа покупателей и продавцов, вступающих между собой не только в торговые отношения... Это нужно у Львова прочесть целиком, или... посетить одесский базар самому...

Но не хлебом единым... Писатель Оливье Ролен пишет о гордости Одессы, о ее Оперном театре. А "аппетит культуры" одесситов подтверждается фактом создания первой в Империи публичной библиотеки. И так как для французов количество ресторанов определяет уровень развития страны, то Ролен непременно должен заметить, что сейчас в Одессе столько же кафе и ресторанов, как и в Марселе или Генуе. А я помню, как в 80-х годах в спорах с французами, работавшими в Одессе на строительстве трубопровода, в ответ на "аргумент": "А наша страна в 10 раз больше вашей", — Georges R. ответил: "Верно, но на одной улице Парижа в 10 раз больше ресторанов, чем во всем Союзе". Сегодняшние одесские рестораны описываются снисходительно, хотя отмечаются и поразительные проявления плохого вкуса.

Ну и конечно, говоря о торговле, составитель не смогла обойти легендарную фразу Ильфа и Петрова о контрабанде*. Теперь французы узнают, что не вся контрабанда делается в Китае. Раньше она делалась на Малоарнаутской.

За железным занавесом

В отрывках из двух своих репортажей из Одессы Жорж Сименон сводит счеты с полицейским советским государством. Одесса стала для молодого литератора морскими воротами в СССР и предопределила все последующие впечатления. Сименон уже многое увидел и понял в советской системе, и не ждет ничего хорошего от сталинского режима. А ведь тогда западные писатели еще верили большевистской пропаганде. Лишь в 36-м Андре Жид, который несколько лет тому назад "готов был отдать свою жизнь за успехи СССР", открыл для себя общую нищету и террор и выступил с заявлением, которое было первым разводом интеллектуалов с Октябрьской революцией. Сименон же еще в 1933 году (комиссару Мерре уже было 4 года) понимает лживость режима. Он чувствует в Одессе слежку за собой, которую даже не очень скрывает "гид в штатском".

* Маленький, всего в страницу отрывок из "Двенадцати стульев" приведен в прекрасном переводе Алена Прешака (Alain Prêchac), хорошо известного в нашем городе.

По каждому запросу необходимо ждать распоряжение из Москвы... Будучи поселен в гостинице "Лондонская", Сименон сумел наблюдать праздник в честь Черноморского флота. Он потрясен, друзья рассказывают ему, что каждый участник демонстрации получит килограмм картошки... Эти репортажи (Georges Simenon, "Mes apprentissages. Reportages 1931-1946") теперь хорошо известны в Одессе. На их основании Сименон пишет один из своих лучших романов "Люди напротив", где анализирует бюрократическую систему, достойную Оруэлла*.

Комментарии репортажей Сименона составитель сборника использует, чтобы подойти к трагической теме голода на Украине, не обошедшего и Одессу... "Это горе было настолько бесчеловечным, отчаяние настолько невообразимым, что становилось каким-то абстрактным, выходящим за пределы сознания". Даже независимые журналисты, жившие в Одессе, обходили эту тему...

А железный занавес продолжал разделять мир еще много лет...

Александр Львов рассказывает об обвинении его в сионизме в 1970-м, о вызовах в КГБ и допросах. Писателю инкриминировали участие в сионистском подпольном центре в Одессе. "Ваши книги еврейские, они пропитаны еврейским духом", — долбил на допросах генерал А.И. Куварзин**. Роман Львова "Двор", судьба типично одесской ячейки ежедневного быта одесситов, смог быть тогда напечатан лишь на Западе, мало известным французам способом — переправленным через границу в виде микрофильма, спрятанного в коробку с обувью.

На залитой солнцем степи, купающейся в море

Так существует ли "красавица Одесса" или это только миф, романтическая легенда о свободном городе, о порто-франко, об убежище писателей, художников, композиторов?.. Наверное, и то, и другое, — и реальный город, проснувшийся после 70-летнего летаргического ужасного сна, город, только вошедший в век своего ренессанса, — и разлетевшийся по всему миру одесский миф, созданный жителями и гостями города.

Это вы, дорогие мои земляки, не дали "часам Одессы остановиться".

* Примечание М. О.: 70 лет спустя путь Сименона в Одессе повторили французские журналисты Рига и Мишо, сняв фильм с тем же названием, что и роман (Jean-Claude Riga et Léon Michaux, "Simenon et les Gens den face", 2002). У них тоже был свой "гид в штатском", только звали его не Соня, а Ольга, и связывались они для получения различных разрешений не с "ГеПеУ", а с украинской Госбезопасностью.

** Arkady Lvov, "Un businessman d'Odessa". Изд. Scarabee, 1984.

И потому со страниц сборника перед французом может появиться Homo odessicus* — объект и автор одесской легенды, живущий и сегодня на "залитой солнцем степи, купающейся в море".

И если, почувствовав аромат Одессы, проникнув в ее миф и узнав ее реалии, хоть один читатель сборника увеличит "сообщество влюбленных в Город людей", то можно считать, что Сандрина Треине свою задачу выполнила.

Лион

* Выражение Евг. Голубовского.